

СКИЙ РАБОЧИЙ ●

«ВНУШАЮЩИЕ

К 200-ЛЕТИЮ
БЕТХОВЕНА

восторг и гордость»

16 декабря — день рождения гения, который вот уже более столетия дорог всему человечеству. Время не властно над ним — над великим Бетховеном.

Почва, взрастившая его, была чрезвычайно плодотворна. Это и богатая народная песенная культура, и музыка великого композитора — философа Баха, и творчество Гайдна и Моцарта. Несомненные связи Бетховена с родными истоками, и все же творческая личность его проявилась необычайно самостоятельно. Да и не удивительно. Бетховена формировало бурное время «неслыханных перемен, невиданных мятежей».

Эта революционная эпоха вызвала к жизни и революционное искусство Бетховена. Его могучий талант охватил все жанры музыки: симфонии, сонаты, концерты, оперу, хорные произведения, песни. Он заставил зазвучать их с новой силой, одарил новым содержанием.

Фортепианная соната была одним из самых близких и любимых композитором форм.

Создание сонат было органической творческой потребностью композитора и одновременно той необходимой музыкальной формой, которая более других соответствовала наэлектризованной революционными страстями и героическими битвами эпохе.

Это было уже не протодушиное гайдновское «Живи — радуйся!», не «божественный, сладкозвучный» Моцарт. Современники Бетховена ощутили новизну и небывалую взрывную силу уже

в его первых сонатах, где, по словам Р. Роллана, композитор открывает такие дороги духа, по которым может пройти все человечество.

Действительно. Скромный камерный жанр вырастает у Бетховена в произведения больших философских обобщений; по остроте конфликтов, глубине замыслов и мощи звучания воспринимается порой как подлинная симфония для фортепиано (сонаты № 17, 21, 23 и др.).

Фортепианные сонаты становятся и творческой лабораторией композитора, в которой вырезались грандиозные замыслы и образы его симфоний.

Теперь, на историческом отдалении, бетховенские сонаты воспринимаются как гетевское «остановись, мгновение». Чаще всего это «мгновение» несет в себе заряд необыкновенной драматической насыщенности.

Бетховен словно укрощает отрицательные силы до полного подчинения «сопротивляющегося материала». Не мирясь с темными сторонами жизни, он их отменяет, преобразует. Действительность, активность — вот основа музыки в большинстве его сонат.

Так например, в сонате № 23 («Аппассионата») все насыщено гневной борьбой с враждебными стихиями. Вопреки им, в средней части утверждается жизненно прекрасный образ, а в финале словно происходит обеливание могучих борющихся сил народных масс. Соната завершается запоминающейся темой явно народного склада, активной, героической.

Но героическая линия — не единственная в сонатах Бетховена.

Простые чувства: «Прощание», «Разлука», «Возвращение» находят свое воплощение в сонате № 24, части которой так и были названы Бетховеном. Глубокой лирикой и мудростью поражают медленные части бетховенских сонат.

Каждая из 32-х сонат Бетховена — это жемчужина, не похожая на другие. В них возникают и пасторальные образы (соната № 6), и элегические (№ 12), и типично городские, с веселым гомомом толпы (№ 17, 21).

Герой сонат Бетховена, воспитанный в активной борьбе, не чужд и радостей жизни, и красоты. Соединив воедино героическое и лирическое, Бетховен не мог не обратиться в сонатах к искусству пения на фортепиано, и речевой выразительности отдельных оборотов. В этом отношении Бетховен как бы забрасывает «копье» далеко вперед — в развитие фортепианной музыки, в эпоху романтизма. Но в отличие от недостижимого туманного романтического идеала, идеал Бетховена ясно осознан: он не в удобстве покоя, а в героике борьбы, в единении с народом, в активном действии.

«Энергия Бетховена внушает не только преклонение перед ним, трепет и восторг, но одновременно и гордую мысль о том, что все-таки есть люди, в которых человечество видит отражение самой своей сущности» (Б. Асафьев).

Н. ЖУРАВЛЕВА,
педагог музыкального училища им. Глинки.